

Павел Васильев
(1910–1937)

«Родительница степь...»

Борис Пастернак, Алексей Горький, Юрий Ивнев, Луначарский и другие называли его «юношей с серебряной трубой», «нечаянной радостью русской поэзии», поэтом с «ярким, стремительным и счастливым воображением», «невероятно талантливым», «недожженным дарованием» и «светилом новой русской поэзии».

Именно в этом самобытном поэте — Павле Васильеве (1910–1937) — «соединились две доли, русская и азиатская», и прояви-

лось, как сказал литературовед Пётр Поминов, «органичное евразийство».

В творчестве Павла Васильева отразились все перипетии культурной жизни 20–30-х годов прошлого столетия — сложного и неоднозначного времени, когда, наряду с традиционной эстетикой, рождались новые художественные идеи и представления, формировалась постреволюционная концепция мира и литературы. И хотя семимильными шагами шла глубокая

внутренняя перестройка духовных и нравственных ценностей человека, в новых реалиях тоталитаризма и «омасовления» истории и культуры, именно в 20–30 годы XX века советская поэзия достигает вершины. Её характеризует невиданный размах и подъём, выход к большим мыслям и великим свершениям.

Погибший на взлёте своего таланта Павел Васильев долгое время оставался малоизвестным поэтом. И только в 50-х

годах прошлого столетия поэзия и проза Васильева открылись как важное явление культуры России, вызывая интерес и желание исследовать его в контексте преемственных связей со славянским и тюркским народным творчеством и с классической русской литературой, в русле наследования его поэтических традиций современными русскими и казахскими поэтами.

Нина ПОПОВА

«Родительница степь, прими мою...»

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою.
За поручни саней! И вслед за нами
Несметный гул несётся, осмелев.
Боярышня с черкесскими глазами,
Черкешенка с губами нараспев.
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

Из поэмы «Лето»

Мы пьём из круглых чашек лето.
Ты в сердце вслушайся моё,
Затем так смутно песня спета,
Чтоб ты угадывал её.
У нас загадка непростая...
Ты требуй, вопрекор молве,
Чтоб яблони собирались в стаи,
А голуби росли в траве.
Чтоб на сосне в затишь сада
Свисала тяжко гроздь сорок —
Всё это сбудется, как надо,
На урожаи будет срок!
Ну, а пока не стынет в чашке
Зари немеркнущая гладь,
Пока не пробудилась мать,
Я буду белые ромашки,
Как звёзды в небе, собирать.
Послушай, синеглазый, — тихо...
Ты прошепчи, пропой во мглу
Про то монашье злое лихо,
Что пригорюнилось в углу.
Крепки, желтоволосы дети,
Тяжёлый мёд расплещан в лете,
И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете!

Тройка

Вновь на снегах, от бурь покатых,
В колючих бусах из репья,
Ты на ногах своих лохматых
Переступаешь вдаль, храпя,
И кажешь, морды в пенных розах, —
Кто смог, собираясь в дальний путь,
К саням — на тесаных берёзах
Такую силу притянуть?
Но даже стрёкот сбруй сорочий
Закован в обруч ледяной.
Ты медлишь, вдаль вперяя очи,
Дыша соломой и слюной.
И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводкам припав,
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяев,
Стальными блещет каблучками
И белозубый скалит рот,
И харя с красными белками,
Цыганская, от злобы ржёт.
В его глазах костры косые,
В нём зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,

Вся в красный согнута калач.
Одна — из меченых и ражих,
Другая — краденая, знать, —
Татарская княжна да б..., —
Кто выдумал хмельных лошажких
Разгульных девок запрягать?
Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья —
Подставишь к мордам — наберёшь.
Но вот сундук в обивке медной
На сани ставят. Веселей!
И чьи-то руки в миг последний
С цепей спускают кобелей.
И коренник, во всю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

Сердце

Мне нравится деревьев стать,
Июльских листьев злая пена.
Весь мир в них тонет по колено.
В них нашу молодость и стать
Мы узнавали постепенно.

Мы узнавали постепенно,
И чувствовали мы опять,
Что тяжко зелёные дышать,
Что сердце, падкое к изменам,
Не хочет больше изменять.

Ах, сердце человечье, ты ли
Моей доверилось руке?
Тебя как клоуна учили,
Как попугая на шестке.

Тебя учили так и этак,
Забывши радости твои,
Чтоб в костяных труппах клеток
Ты лживо пело о любви.

Сгибалась человечья выя,
И стороною шла гроза.
Друг другу лгали площадные
Чистосердечные глаза.

Но я смотрел на всё без страха, —
Я знал, что в дебрях темноты
О кости чёрствые с размаху
Припадками дробилось ты.

Я знал, что синий мир не страшен,
Я сладостно мечтал о дне,
Когда не по твоей вине
С тобой глаза и души наши
Останутся наедине.

Тогда в согласье с целым светом
Ты будешь лучше и нежней,
Вот почему я в мире этом
Без памяти люблю людей!

Вот почему в рассветах алых
Я чтил учителей твоих
И смело в губы целовал их,
Не замечая злобы их!

Я утром встал, я слышал пенье
Весёлых девушек вдали,

Я видел — в золотой пыли
У юношей глаза цвели
И снова закрывались тенью.

Не скрыть мне то, что в чёрном дыме
Бежали юноши. Сквозь дым!
И песни пели. И другим
Сулили смерть. И в чёрном дыме
Рубили саблями слепыми
Глаза фиалковые им.

Мело пороховой порошей,
Большая жатва собрана.
Я счастлив, сердце, — допьяна,
Что мы живём в стране хорошей,
Где зреет труд, а не война.

Война! Она готова сворой
Рвануться на страны жильё.
Вот слово верное моё:
Будь проклят тот певец, который
Поднялся прославлять её!

Мир тяжким ожиданием связан.
Но если пушек табуны
Придут топтать поля страны —
Пусть будут те истреблены,
Кто поджигает волчьим глазом
Пороховую тьму войны.

Я призываю вас — пора нам,
Пора, я повторяю, нам
Считать успехи не по ранам —
По вёснам, небу и цветам.

Родятся дети постепенно
В прибое. В них иная стать,
И нам нельзя позабывать,
Что сердце, падкое к изменам,
Не может больше изменять.

Я вглядываюсь в мир без страха,
Недаром в нём растут цветы.
Готовое пойти на плаху,
О кости чёрствые с размаху
Бьёт сердце — пленник темноты.

Ярмарка в Куяндах

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы,

И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.
Горький ветер трясёт полынь,
И в полоне Долонь у дынь —

Их оранжевые тела
Накаляются добела,
И до самого дна нагруз
Сладким соком своим арбуз.

В этот день поёт тяжелей
Лошадиный горячий пах, —
Полстраны,
заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах.

Сто тяжёлых степных коней
Диким глазом в упор косят,
И бушует для них звончей
Золотая пурга овса.

Сто коней разметало дых —
Белой масти густой мороз,
И на скрученных лбах у них
Сто широких буланых звёзд.

Над раздольем трав и пшениц
Поднимается долгий рёв —
Казаки из своих станиц
Гонят в степь табуны коров.

Горький ветер, жги и тумань,
У алтайских предгорий стын! —
Для казацких душистых бань
Шелестят берёзы листья.

В этот день поёт тяжелей
Вороной лошадиный пах, —
Полстраны,
заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах!..

Пьёт джигит из касэ, — вина! —
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро.

Пьёт казак из Лебяжья, — вина! —
Сапоги блестят —
до колен,
В пышной гриве его скакуна
Кумачовая выюга лент.

А на сёдлах чекан-нарез,
И станишники смотрят — во!
И киргизы смеются — во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.

Кто отстал на одном вершке,
Потерял — жалей не жалей —
Двадцать пять в холстяном мешке,
Серебром двадцать пять рублей...

Горький ветер трясёт полынь,
И в полоне Долонь у дынь,
И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы.